

Военная библиотека Краснофлота

С. КУДРЯВЦЕВ-СКАИФ

Т Р И Д Н Я

ВОЕНМОРИЗДАТ - 1941

Л 30 $\frac{\Gamma-2}{515}$ с. КУДРЯВЦЕВ-СКАЙФ

Т Р И Д Н Я

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ВОЕННО-МОРСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО НКВМФ СОЮЗА ССР
Москва 1941 Ленинград

Глава первая

ТРЕВОГА

Бой длился уже больше двух часов. Больше двух часов отбивалась горстка матросов от вражеских солдат, наседавших со всех сторон. Замечательно стреляли матросы. Каждая пуля била точно в цель. Но враг был вдесятеро многочисленнее, и с каждой минутой его кольцо сжималось.

Неделю назад в отряде Григория Заварова было двести пятьдесят человек. За эту неделю отряд побывал в десятке боев. Мужественно бились матросы за каждый вершок родной земли, не раз стремительный матросский натиск отбрасывал белых назад, но к ним подходили свежие силы, и матросы вновь залегали, зарывались в землю.

На подступах к форту «Красная горка» погиб командир отряда, матрос «Петропавловска». В командование отрядом вступил Григорий Заваров, его комиссар минер транспорта «Заградитель».

Дорого стоили матросам эти бои. Восемнадцать человек было в отряде в тот момент, когда он занял этот пригорок. Семерых сразили пули белых. Осталось одиннадцать. Одиннадцать против целой роты! И никакой надежды на помощь. Соседние красноармейские части уже отступили.

Внимательно вглядывался Заваров в окружающие холмы, надеясь найти хоть маленькую брешь в огневой петле врагов.

— Амба! — с досадой воскликнул пулеметчик, продергивая в приемник ленту с патронами.

Заваров обернулся.

— Последняя?

— Последняя. — Пулеметчик, криво улыбнувшись, добавил упавшим голосом: — Вот, комиссар, и до деревянного бушлата дожили...

— Рановато о деревянном бушлате заговорил, — Заваров показал вправо, — видишь?

Матрос оглянулся. К пригорку, занятому отрядом, примыкал небольшой овраг, густо поросший малинником; за оврагом поблескивал извилистый ручеек.

Заваров уже давно присматривался к этому овражку. По его наблюдениям белые там еще не успели сосредоточиться.

Он приказал прочесать овраг, и пулеметчик дал по оврагу несколько экономных очередей.

В ответ раздались лишь одиночные винтовочные выстрелы.

— Тут и будем прорываться, — сказал комиссар.

Переползая по цепи, он познакомил матросов со своим планом.

План был простой: матросы по одному незаметно прокрадываются оврагом до ручейка; тем временем оставшиеся стреляют во всех направлениях, чтобы отвлечь внимание белых.

— Ну, гребни первым, — сказал Заваров пулеметчику, занимая его место у пулемета.

Пулеметчик скатился в овраг. Один за другим исчезали в малиннике матросы. На пригорке остались только двое: Заваров и матрос в изодранной выцветшей тельняшке. Он то помогал Заварову перетаскивать пулемет с места на место, то палил во все стороны из винтовки. Они вдвоем стреляли так яростно, будто к отряду вдруг пришла подмога, и белые снова замедлили продвижение.

Когда у матроса осталась только одна обойма патронов, Заваров сказал:

— Пора.

— А ты, комиссар?

— У меня еще есть патроны, — ответил тот.

Матрос приподнялся, но тут же рухнул, схватившись за грудь.

— Комиссар, — сказал он хрипло, — подтащи меня к пулемету, построчу напоследок по белым гадам... А ты иди, иди... Там тебя ждут...

— До оврага доползешь? — спросил Заваров, продолжая стрелять.

— Иди, комиссар! — Матрос потянулся к пулемету.

— Нюня! — прикрикнул на него Заваров. — А ну, сыпь горохом в овраг, покажи матросскую удаль!..

Матрос судорожно ухватился за полу его бушлата.

— Спасайся, комиссар...

— Ползи к оврагу! Рано погибать захотел.

Мутным взором посмотрел матрос в глаза комиссара, и суровые серые глаза Заварова ободряюще заискрились.

— Давай, гребни, гребни, браток!

Раненый медленно пополз.

Стал отступать и Заваров, волоча за собой пулемет. Временами он останавливался, выпускал короткие очереди. Когда раненый дополз, наконец, до оврага, комиссар заклинил спусковой крючок так, что пулемет продолжал стрелять сам по себе, и одним прыжком скрылся в малиннике.

Он быстро разыскал там матроса, который был уже без сознания, и взвалил его на плечи.

Пулемет на пригорке смолкнул как раз в тот момент, когда Заваров добрался до своего отряда.

— Ну, в путь! — приказал Заваров.

Неся на руках спасенного комиссаром товарища, матросы пошли вдоль ручейка...

Со стороны пригорка донесся многоголосый крик. Гулко отозвался он в лесу, в который вошли матросы. Кто-то сказал:

— Дорвались!

— До пустого места, — добавил Заваров. — Пока мы там лежали, наступать кишка была тонка!

Забравшись в самую гущу леса, матросы перевязали раненого. Тот открыл глаза и прошептал запекшимися губами:

— Бросьте со мной возиться, ребята, пропащее это дело...

— У твоей смерти еще и matka в девках ходит, — перебил его комиссар. — Дай до Кронштадта добраться, отремонтируют тебя.

Всю ночь пробирались матросы по лесу. Лишь на утро следующего дня достигли они деревни Коваши.

Среди деревни, вокруг походных кухонь, в ожидании обеда, бродили и группами сидели на траве красноармейцы.

— Какая часть? — спросил комиссар.

Красноармеец, брэнчавший на балалайке, ответил:

— Первый Кронштадтский стрелковый полк.

— Как Первый Кронштадтский? Да он же на позиции!

— Был, да весь вышел, — сказал балалаечник, ударяя пальцами по струнам.

— Потрепали? — обеспокоенно допытывался Заваров.

— Какое! Ни у кого ни одной царапинки.

Парень оказался словоохотливым и рассказал, что полк самовольно оставил позиции еще задолго до того, как к ним подошли белые.

Заваров ушам своим не поверил.

— Ушли с позиций?

— Ну, ушли, — добродушно улыбаясь, подтвердил парень. — Воевать надоело. — Он заиграл задорную плясовую.

— Вот что, — сказал Заваров своим матросам, — двое снесут раненого на станцию и сдадут его санитарной летучке. Двое пойдут со мной. Остальные останутся

здесь. Винтовки и гранаты иметь наготове. Коли меня задержат или убьют, одним духом летите в Кронштадт, бейте тревогу... Пошли!

Разыскав штаб полка, Заваров оставил своих спутников на крыльце, а сам вошел в избу.

Вокруг стола, на котором певуче гудел начищенный самовар, сидело несколько командиров.

— Кто тут комиссар? — спросил Заваров.

Один из сидевших за столом насмешливо развел руками.

— Увы! Комиссар в отсутствии... А вы кто будете?

— Комиссар сводного отряда моряков.

— Велик отрядик? — небрежно спросил другой, блеснув стеклами золотых пенсне.

Заваров соврал, не сморгнув глазом.

— Пятьсот человек, десять пулеметов, две трехдюймовки.

Все обеспокоенно переглянулись.

— Ого!

— Где изволили расположиться? — сипловатым басом спросил тучный и пожилой командир, сидевший под божницей.

— Тут поблизости, — Заваров махнул рукой в сторону фронта.

Потянулось молчание. Пожилой командир нервно барабанил пальцами по столу, потом отхлебнул из стакана чаю и тоном гостеприимного хозяина произнес:

— Что ж это мы, гос... кха-кха... товарищи, не приглашаем гостя к столу? Прошу. Чем богаты, тем и рады...

— Вы лучше скажите, почему полк ушел с позиций? — сурово перебил Заваров.

— Мы?! — недоумевающе переспросил пожилой командир и пожал плечами. — Что мы? Всего-навсего военспецы. Ушли с позиций не мы, а товарищи красноармейцы. Товарищи красноармейцы устали воевать и...

— Стоп! — закричал не своим голосом Заваров и выхватил револьвер. — Стоп травить!.. Руки вверх!

Ошеломленные сотрапезники подняли руки. В избе вбежали оба матроса, оставленные комиссаром на крыльце.

— Кто командир полка?

Тучный командир поднялся из-под божницы.

— Всем зарубить себе на носу: малейшее движение, и он из вас котлет наделает, — Заваров кивнул на одного из матросов, в руках которого тускло поблескивали ручные гранаты. — А вы...

Командир полка покорно подошел к Заварову.

— Вы отправитесь со мной.

Оставив матросов в избе, Заваров сдал командира полка своему отряду, а сам опять пошел в деревню.

Бродя среди красноармейцев, подсаживаясь то к одной их кучке, то к другой, Заваров выведал все, что было ему нужно.

Если бы полк только оставил позицию, это было бы еще полбеды. Тут было дело посерьезнее. Командиры — все бывшие царские офицеры — деморализовали бойцов, потом перееарестовали всех политработников и коммунистов и куда-то их отправили под сильным конвоем. Куда? Этого красноармейцы не знали. Политико-моральное состояние полка, собранного с бору да с сосенки, было невысокое, и командирам не стоило большого труда отвести полк в тыл. Хорошо, что поблизости оказался отряд коммунистов, который и заткнул брешь, образовавшуюся на фронте.

Заваров хотел было устроить митинг, разъяснить красноармейцам, что они попали на удочку офицера, но раздумал: едва ли послушаются они его, незнакомого матроса. Нет, для этого дела нужен такой человек, которого красноармейцы хорошо знают и уважают. Заваров знал такого человека. Это был Михаил Мартынов, председатель Кронштадтского Совета, много помогший полку во время его формирования.

Командира полка Заваров под конвоем отправил в ЧК в село Лебяжье. Одного своего человека он послал на форт «Красная горка» с запиской комиссару о положении в полку. Всем остальным велел остаться в деревне, караулить арестованных офицеров и распространять слух, что вблизи Ковашей стоит большой и хорошо вооруженный матросский отряд, готовый разгромить полк, если тот вздумает переметнуться к белым.

Поймав за околицей стреноженную лошадь, Заваров верхом домчался до Ораниенбаума. Там на Спасательной пристани на счастье оказался катер с одного из боевых кораблей.

— Жми до Кронштадта, — сказал Заваров старшине катера. — Тут такая заваруха, что каждая секунда дороже золота...

Катер фыркнул, задрожал и полным ходом пошел к Кронштадту, маячившему в горячем мареве ясного июньского дня.

Глава вторая

НА ПОРОГЕ БЛЕСТЯЩЕЙ КАРЬЕРЫ

Николаю Неклюдову прочили блестящую карьеру. Сын генерала, богатейшего помещика, он далеко пошел бы, если бы не революция. Революция, отняв у него поместья и капиталы, разбила все его мечты. Но нет худа без добра. Николай Неклюдов, как и многие его сверстники, был немного либералом; он не злоупотреблял зуботычинами и среди солдат слыл хоть и строгим, но справедливым офицером. И все же он не поверил своим ушам, когда узнал, что солдаты единогласно выбрали его командиром форта. Это было лестно: он, 22-летний поручик, командует «Красной горкой», самым мощным фортом Кронштадтского укрепленного района!..

Уже два года командовал Неклюдов «Красной горкой», и красноармейцы не могли нахвалиться своим командиром. Каких только поблажек не давал он им! Взять хотя бы случай с консервами... Весной 1919 года командование флотом вывезло с форта хранившиеся там большие запасы мясных консервов. Неклюдов чуть не плакал с досады, докладывая об этом на митинге. Он возмущался, что фортовики остались без неприкосновенного запаса, и каялся, что командование «подловило» его. Красноармейцы, конечно, не знали, что Неклюдов сам предложил командованию эти консервы, дабы убить сразу двух зайцев: заслужить доверие начальства и еще более укрепить свое влияние на отсталую массу бойцов форта, рассматривавших эти консервы как некую свою собственность. Эта подлость, как и многие другие, удалась Неклюдову на славу; многие души не чаяли в своем заботливом командире.

Наконец, пришло время использовать свое влияние на красноармейцев. Левое крыло армии генерала Юденича подошло к самому форту. Форт был единственным заслоном на пути белых. Если форт падет, дорога на Петроград будет открыта.

У Неклюдова замирало сердце. Неужели через несколько недель, а может быть даже дней, он, Неклюдов, вновь будет жить привычной и, казалось, навсегда ушедшей от него жизнью, вновь зашагает по широким ступеням блистательной офицерской карьеры!.. — Поручик Неклюдов, — нет, нет, конечно, полковник Неклюдов, гвардейский полковник, флигель-адъютант его величества...

Неклюдов жмурился и задыхался от радостного волнения.

Гнусавый голос бубнил у него над ухом, точно пономарь над покойником.

— Пора!.. — сказал Неклюдов, открывая глаза. — Пора действовать...

Он пытливо смотрел на человека, стоявшего перед ним. Это был Степан Урбан, председатель центрального коммунистического коллектива форта.

— Пора действовать, Степан! — повторил Неклюдов. Урбан ответил:

— Распоряжайтесь мною, как самим собой.

«Какой законченный негодяй!» — с удовольствием подумал Неклюдов. Этот молодой человек в щеголеватой гимнастерке, перекрещенной желтыми ремнями, с бесстрастным лицом иезуита, немигающими наглыми глазами и гнусавой речью причетчика, был его творением. По настоянию Неклюдова вступил Урбан в партию; опираясь на советы своего патрона, вполз в доверие моряков-коммунистов, готовый по первому слову своего благодетеля предать всех и вся.

Урбан был у комиссара форта, когда туда пришел посланец Заварова. Лука Паньков, комиссар форта, тотчас созвал экстренное собрание коммунистов, на котором было решено усилить наблюдение за всеми бывшими царскими офицерами. Урбану комиссар дал два задания: немедленно послать в 1-й Кронштадтский полк агитаторов и обеспечить полную боевую готовность Коммунистического отряда, который только что прибыл для пополнения гарнизона форта.

Едва закончилось собрание, Урбан прибежал к Неклюдову и все ему подробно рассказал.

— Заготовишь списки всех коммунистов и сочувствующих, арестом их займешься сам, но не раньше, чем я прикажу. В полк агитаторов не посылать: я сам там побываю. До вечера займись партийцами и Коммунистическим отрядом. Вкручивай им, как хочешь, но чтобы эта комиссаровская накачка выветрилась у них из мозгов. Если они хоть чем-нибудь помешают, пеняй на себя!

Урбан прижал обе руки к своей куриной груди и закатил глаза.

— За вас — в огонь и в воду!

— Ну, пошел, — сказал Неклюдов. — Постой... В полночь пойдешь к комиссару. Доложишь, что все его распоряжения выполнил. Размазывай о бдительности, займи его болтовней часа на полтора. За это время я подготавливаю все для решительных действий...

Белесые ресницы Урбана замигали. Он топтался на месте и не уходил.

— Что еще?

— А если провал? — шопотом сказал Урбан.

— Тогда и тебе и мне одна дорожка — налево, — сказал Неклюдов. — Нет, не провалимся! Так проживем, Степан, как тебе никогда и не снилось!..

Урбан лихо повернулся на каблуках своих шевровых сапог-бутылок. На его гимнастерке кровавой слезой блеснул значок: большая красная звезда в венчике серебристых колосьев.

Когда за ним закрылась дверь, Неклюдов поморщился и попытался вспомнить, — как это сказал Шиллер? «Мавр сделал свое дело, мавр может итти»... Если все закончится успешно, он пошлет к чорту этого выродка.

Он растянулся в кресле и закурил. В сизое колечко дыма он продел указательный палец и так уморительно изобразил им человечка, болтающегося в петле, что сам расхохотался.

Глава третья

МИХАИЛ МАРТЫНОВ

— Вот и все, Михаил Иванович, — закончил Заваров невеселый рассказ о состоянии 1-го Кронштадтского полка.

— Все... — автоматически повторил Мартынов и заходил по комнате.

Наступило молчание.

Заваров прекрасно знал привычку Мартынова шагать взад и вперед, когда он обдумывал какое-либо решение. Заваров сидел в кресле и наблюдал за председателем Совета. Как осунулось лицо Мартынова, как ссутулился он за последние дни, беспокойные дни обороны Петрограда от армии Юденича!

Григорий давно знал Мартынова. Старый матрос, активный участник Кронштадтских восстаний 1905 и 1906 годов, Мартынов был бессменным председателем Совета с октября 1917 года. Неутомимый большевик, он организовал в Кронштадте не один отряд для многочисленных фронтов гражданской войны. Безупречный человек и преданнейший солдат революции, он личным примером воодушевлял кронштадтцев на самоотверженные подвиги. Заваров уважал Мартынова и преклонялся перед ним, любил его как все кронштадтцы. В глазах Заварова Михаил Иванович был примером поведения большевика-комиссара. Не было в Кронштадте ни одной воинской части, ни одного корабля, бойцы которых не ощущали бы повседневной отцовской заботы Мартынова. Мягкий по натуре, Мартынов весь перерождился, когда встречался с трусостью и нерадивостью. В такие минуты Мартынов был грозен, сурово карал малодушных, даже из лучших своих друзей.

Заваров был на десять лет моложе Мартынова, в партию он вступил только в семнадцатом году; у Мартынова и таких же старых бойцов революции он научился выковывать в себе качества, необходимые для большевистского комиссара.

— То, что произошло в полку, не случайность, — нарушил молчание Мартынов, — да, не случайность. Это грозный сигнал о том, что контрреволюционное офицерье подымает голову. Тут, в Кронштадте, мы кое-что уже нащупали. На днях чекисты арестовали головку здешней контрреволюционной организации. Семь бывших армейских и флотских офицеров в основных центрах обороны! Надо отдать им справедливость: они способны не только

гадить, но и молчать. Документы? Документов оказалось немного. У Кулеша, бывшего офицера с «Андрея Первозванного», нашли записи. Удалось установить, что нити заговора опутали всю крепость. Окончательно мы еще не распутали этот змеинный клубок, но есть данные — правда, пока очень смутные — о том, что в заговор втянут кто-то из комсостава «Красной Горки»...

— «Красной Горки»?! — с ужасом воскликнул Заваров.

— Да! Было бы удивительно, если бы они оставили форт без внимания: «Красная горка» — единственное препятствие для Юденича на пути к Петрограду.

— Но, ведь, без «Красной горки» Петроград... — начал Григорий и осекся.

— Погибнет, — спокойно произнес Мартынов то слово, одна мысль о котором ужаснула его собеседника. — Да, погибнет! Поэтому надо действовать быстро и отразить любую неожиданность. Я сейчас же еду. Побываю в Первом полку и на форту, а ты, не мешкая ни минуты, сколачивай новый отряд.

Заваров встал и протянул руку Мартынову.

— Да, — спохватился тот, — а ты сегодня обедал? Григорий махнул рукой.

— Пустое...

— Ну, не скажи! Вот тебе моя карточка, сбегай в столовку. Подхарчишь, располагайся здесь, как дома, и телефонь во все концы. Сколотишь отряд, сразу же переправляйся с ним на берег.

— Есть! — по-военному четко ответил Заваров, невольно заражаясь неутомимой энергией этого усталого человека в потертой спецовке.

ИЗМЕНА

В полночь весь комсостав форта собрался на квартире Неклюдова.

— Сегодня или никогда, господа, — сказал Неклюдов. — Либо мы сбросим сегодня ненавистную всем нам власть коммунистов, либо коммунисты отправят нас завтра налево. Тут выбора нет, господа. Игра идет ва-банк. Ставка — наши собственные жизни. Подыдем же, господа, бокалы за освобождение нашей многострадальной родины из-под ига торжествующего хама. За успех!

Офицеры подняли стаканы и чайные чашки, наполненные желтоватым смрадным самогоном.

— За победу! . .

— За единую неделимую! . .

— За милых девушек нашего круга! . .

Неклюдов зорко следил за тем, чтобы никто не напивался до положения риз, и все пили в меру, только для бодрости.

Неклюдов стал излагать план мятежа. Офицеры изумились его предусмотрительности.

Все было за то, что победа достанется легко и быстро. Днем Неклюдов побывал не только в 1-м, но и во 2-м Кронштадтском полку. В 1-м полку ему удалось усыпить бдительность матросов, оставленных там Заваровым, и не только освободить весь комсостав из-под ареста, но и подготовить полк к выступлению на стороне форта. 2-й полк, где с комсоставом давно уже была достигнута договоренность, он силой своего авторитета снял с передовой позиции и перевел ближе к форту. На самом форту вполне можно былоложиться на пулеметную команду, почти весь состав которой был подобран Неклюдовым из кулацких сынков и отчаянных головорезов. Спокоен он был и за состав одной из тяжелых артиллерийских батарей. Остальные? . .

— Остальные — стадо баранов, — тоном презрения заключил Неклюдов. — Главное — лишить это стадо вожakov: решительно и быстро убрать коммунистов. После этого хозяевами положения будем мы. Части генерала Юденича займут форт. По нашему сигналу подыметя Кронштадт, там все уже подготовлено... Ну, а потом — Петроград, освобожденный из-под вонючего мужичьего лаптя, наш Петроград, господа!

К концу совещания пришел Урбан, доложил Неклюдову, что все его приказания выполнены.

— Пойдешь со мной в пулеметную команду, — сказал Неклюдов, потом протянул ему стакан самогона. — На, глотни на дорожку.

Неклюдов и Урбан вышли на широкий плац. Восходящее солнце золотило песок под их ногами.

— Поднять людей! — приказал Неклюдов дежурному по пулеметной команде.

Через несколько минут команда выстроилась вдоль длинного ряда небрежно заправленных коек.

— Товарищи красноармейцы, мои верные боевые друзья, — начал Неклюдов с деланной дрожью в голосе, — случилась большая беда. Части, прикрывавшие подступы к форту, сдались белым. Генерал Юденич бросил в образовавшуюся брешь колоссальные силы. Его войска окружили нас. Я только что получил от них ультиматум сдать форт. В ультиматуме сказано, что если мы добровольно сдадимся, всем нам будет дарована жизнь. Если же с форта раздастся хоть один выстрел, мы будем уничтожены...

Неклюдов взгляделся в растерянные лица бойцов и продолжал:

— Конечно, мы можем сопротивляться, но наше сопротивление будет недолгим. Силы врага несоизмеримо велики. Выбирайте, товарищи: неминуемая гибель или жизнь?..

Красноармейцы молчали, потрясенные словами своего командира.

Неклюдов театральным жестом обнял за плечо Урбана и продолжал тоном, полным отчаяния:

— Да, товарищи красноармейцы, есть только два выхода из того положения, в какое поставили нас предатели, переметнувшиеся на сторону врага: сопротивление и смерть, либо добровольная сдача в плен и жизнь. Прежде чем притти к вам сюда, я обсуждал этот вопрос с коммунистами форта. Вот товарищ Урбан вам подтвердит, что те из них, кто имеет светлую голову, высказались за сдачу в плен.

Неклюдов незаметно подтолкнул Урбана вперед, и тот, состроив постную физиономию, сказал:

— Увы, товарищи, на данном отрезке времени я должен со скорбью душевной и с полной ответственностью заявить, что нам надо сдаваться. Кто за это предложение, подымите руки!

Командир форта за сдачу в плен. Глава коммунистов форта за сдачу в плен. Они — начальство, им виднее, и даже те, кто готов был сложить свою жизнь за родной форт, несмело подняли руки.

Урбан приободрился.

Неклюдов что-то шепнул ему на ухо.

— Да, товарищи, — спохватился Урбан, — среди коммунистов форта оказалось несколько неустойчивых товарищей. Они, эти несознательные товарищи пошли против партии, отказались подчиниться постановлению большинства и решили сопротивляться. Ради спасения наших жизней, которые еще пригодятся родине, надо помешать этому. Этим несознательных товарищей предлагаю арестовать.

Бойцы угрюмо молчали. Это могло быть принято за согласие, и Неклюдов торопливо стал выкликать фамилии тех, в ком он был совершенно уверен.

Двум десяткам отобранных людей он приказал взять пулеметы и следовать за ним.

Когда те вышли из казармы, Неклюдов и Урбан до-

стали из карманов своих широченных бриджей бутылки с самогоном и отдали их красноармейцам.

— Для храбрости, — пояснил Неклюдов.

Взяв пятерых бойцов, вооруженных винтовками, Урбан прежде всего арестовал комиссара форта Луку Панькова и других коммунистов, живших отдельно от команд. Это ему не стоило большого труда. Все коммунисты без сопротивления подчинились аресту, считая его недоразумением. Сам Урбан при аресте делал вид, что он крайне удручен всем происходящим и сам не понимает, зачем высшему начальству понадобилось арестовывать таких уважаемых товарищей.

Всех арестованных тотчас поодиночке отводили в бетонный каземат, предназначенный для хранения боезапаса.

Таким же порядком были арестованы и коммунисты, проживавшие в красноармейских командах. Урбан будил каждого из них в отдельности.

Настало время для выполнения самой опасной части плана. Осталось арестовать бойцов Коммунистического отряда. Тут способ изъятия по одному не годился: в отряде было 80 человек, и все они находились в одном помещении.

— Вывози кривая! — сказал Неклюдов и вместе с Урбаном и десятком пулеметчиков вошел в дом, где расположился отряд. Пулеметы, предварительно расставленные перед домом, брали под обстрел все окна и выходы.

Не успел дневальный и рта открыть, чтобы рапортовать командиру форта, как предводительствуемые Урбаном пулеметчики встали у пирамид с винтовками отряда.

— Побудку!

Дневальный разбудил бойцов.

— Побыстрей, побыстрей одевайтесь! — поторапливал их командир форта.

Бойцы выстроились в две шеренги. Тут были и совсем

безусые рабочие пареньки, и заросшие бородами крестьяне, активисты окрестных деревень.

— Вот, ведь, как нехорошо получилось, товарищи, — начал Урбан сочувственно, — а все оттого, что больно разношерстный ваш отряд. С разных вы мест и плохо знаете друг друга. А получилось то, что в ваш отряд затесались изменники нашего дела...

По рядам бойцов прошел гул возмущенных возгласов.

— Да, да, изменники! — повысил голос Урбан, насупив выцветшие брови. — Но недолго позорить им ваши ряды. На форт только что приехала Чрезвычайная Комиссия. Она ждет вас, товарищи. Пойдем туда организованно. Следите только, чтобы никто не улизнул по дороге: враг хитер, врагом может оказаться даже лучший друг...

Потрясенные позором, внезапно свалившимся на их дружный отряд, бойцы поспешили за Урбаном. Он привел их в тот же каменный мешок, в который были упрятаны остальные коммунисты форта.

Дальнейшее было уже совсем простым делом. Каждой команде в отдельности было сказано, что все остальные решили сдаться в плен, и каждая команда под угрозой расстрела соглашалась на сдачу.

Тем временем Неклюдов послал несколько офицеров в 1-й и 2-й Кронштадтские полки с приказом немедленно явиться на форт. Не прошло и часа, как полки заполнили весь плац форта.

Впопыхах заговорщики забыли арестовать двух коммунистов, помещенных на ночлег в одной из комнат комсоставского дома: командира Коммунистического отряда Степана Гредюшко и комиссара Ижорской железной дороги Федора Митрофанова, приехавшего на форт по делам службы.

Оба старые кронштадтцы, друзья с детства, Гредюшко и Митрофанов не виделись чуть не с самой Октябрьской революции. Они комиссарили во всевоз-

можных отрядах, которые перебрасывались с фронта на фронт, и им никак не удавалось свидеться. Обрадованные нечаянной встречей, они проговорили всю ночь напролет, делясь фронтовыми воспоминаниями и строя планы счастливого будущего страны Советов.

Выйдя утром в умывалку, Гредюшко случайно подслушал разговор двух изрядно подвыпивших командиров, находившихся в смежной комнате. Командиры спорили о том, куда могли запропасть их погоны, которые им завтра, пожалуй, понадобятся. Галдевшие под окном красноармейцы еще более усилили подозрение, и Гредюшко побежал к Митрофанову.

Но было поздно. Митрофанов уже был арестован. Его вел по коридору Урбан. Завидев Гредюшко, Митрофанов непонимающе развел руками.

— Федя, измена! — вскричал Гредюшко, выхватывая револьвер.

Но Урбан успел раньше его выстрелить из своего «Парабеллума», и Гредюшко рухнул на пол.

Митрофанов мгновенно обернулся, бросился на тщедушного Урбана, сбил его с ног.

На выстрелы выскочили офицеры, те самые, которые спорили о погонах.

— Помогите! — истошно вопил Урбан, борясь с навалившимся на него Митрофановым.

Один из офицеров выхватил из-под пояса финский нож и стал неистово наносить им удары в широкую спину комиссара.

Митрофанов отбросил офицера в дальний конец коридора.

Пока шла борьба, другой офицер успел сбегать в свою комнату за револьвером и выстрелил из него Митрофанову в затылок.

Комиссар взмахнул руками, сделал несколько нетвердых шагов, зашатался и упал навзничь.

К нему подбежал тот, у которого был финский нож.
— Вот тебе, вот, вот!.. — истступленно кричал он,

втыкая нож в затуманенные глаза Митрофанова, терзая его лицо, которое еще конвульсивно подергивалось.

Отдышавшись, Урбан вышел на плац и обомлел. Навстречу ему шел председатель Кронштадтского Совета Михаил Мартынов. В руках он держал колосья ржи, уже начинавшей желтеть.

— Хорош, брат, нынче урожай будет! — воскликнул Мартынов, протягивая Урбану вместо руки колосья. — Полюбуйся. Будет чем накормить рабочий класс!

Урбан терялся в догадках о цели приезда Мартынова.

— Базар у вас на форту, — строго сказал Мартынов, глядя на запрудивших весь плац красноармейцев.

Урбан смотрел своими наглыми немигающими глазами прямо в глаза собеседника.

Матерый двурушник, привыкший врать на каждом шагу, он мигом составил план действия.

— Это, конечно, прямого отношения к форту не имеет, — начал он слащавым голосом, — но умолчать не могу. Понимаешь ли, Михаил Иванович, какое безобразие! Оба Кронштадтских полка снялись с позиции и ушли в тыл.

— Оба? — ужаснулся Мартынов.

— В том-то и дело, что оба. Мы, комиссар форта и я, сразу же приняли меры. Вызвали полки на форт и арестовали кое-кого из офицеров. Кажется, пахнет разговором, Паньков как раз сейчас допрашивает этих мерзавцев...

— У себя? — спросил Мартынов и хотел было итти к комиссару, но Урбан его остановил.

— Допрос идет в каземате. Птицы-то больно важные: не запрешь, улетят еще...

— Пошли!

Они зашагали рядом. Мартынов молчал, потрясенный изменой полков, которые еще так недавно были на хорошем счету. Молчал и Урбан. Он был вне себя от радости, что без хлопот захватил председателя Кронштадт-

ского Совета, арест его развяжет руки тамошним заговорщикам.

На пороге каземата Урбан немного отстал, уступая дорогу гостю. А затем он выхватил из кобуры револьвер и приставил его к затылку Мартынова.

— Руки вверх!...

Глава пятая

ПОДЫМАЕТСЯ МАТРОССКИЙ КРОНШТАДТ

— Ба! Громов!.. Вот кого не чаял тут встретить.

Заваров крепко сжал руку приземистого, ладно скроенного человека в черной косоворотке и порыжевшей матросской бескозырке.

Громов был рад этой встрече не меньше самого Заварова. Василий Прохорович Громов был старым матросом-минером. На флоте он служил с 1912 года. С Григорием Заваровым он познакомился в 1916 году на минном транспорте «Заградитель». Громов до военной службы работал сплавщиком леса, Заваров был слесарем. Оба ненавидели царский режим, оба рвались к знаниям и, наняв вскладчину учителя, проводили у него все свободные вечера. После февральской революции они одновременно вступили в большевистскую партию. Потом наступили страдные фронтовые дни. Вначале оба друга сражались в одном и том же матросском отряде, в котором Громов был комиссаром, а Заваров — пулеметчиком. Недолго пришлось побыть им вместе — Заварова назначили комиссаром в другой отряд, на другой фронт, и их пути разошлись.

О многом хотелось поговорить старым друзьям, но было не до того. Встретились они у входа в длинное мрачное здание кронштадтского Морского манежа, куда оба спешили.

— Слышал? — спросил Заваров.

— Слышал, — ответил Громов, и его добродушное лицо с задумчивыми карими глазами стало вдруг грозным. Он сжал кулаки и угрожающе воскликнул: — Дай мне только добраться до этих гнид!..

— Значит, и ты туда?

— А то куда же? — вопросом же ответил Громов. — Тут, говорят, в манеже матросский отряд формируется. попрошу у них кой-кого, да и двину.

— Формируется, — подтвердил Заваров, — я формирую. А кто тебе нужен?

Громов объяснил, что он последнее время был комиссаром бронепоезда № 52, а на днях заменил погибшего командира. Вместе с командиром из строя выбыли два машиниста, кочегар, несколько комендоров и пулеметчик. Заваров обещал Громову выделить для его бронепоезда хороших специалистов и лихих моряков.

В манеже стоял густой многоголосый гул. Тут было не меньше четырехсот матросов. Завидев Заварова, некоторые подбежали к нему.

— Когда с якоря сниматься, комиссар?

— Сейчас, — ответил на ходу Заваров. — Свистать всех к «Стерегущему»!

Матросы мигом обступили громадную алебастровую модель памятника безымянным героям «Стерегущего», возвышавшуюся у южной стены манежа.

Заваров поднялся на цоколь памятника. Высокий и мужественный, с протянутой вперед рукой и в сбитой на затылок бескозырке, он был как бы частью монумента. Его порывистая, зовущая фигура сливалась в одно целое с теми двумя матросами, которых изобразил скульптор в момент их самоотверженного подвига во славу родного флота.

— Товарищи! — призывно начал Заваров. — Слушайте, товарищи, только что полученную радиogramму, — он достал из кармана клочок бумаги и стал читать, чеканя каждое слово: — «Матросам и солдатам Кронштадта. Гарнизон форта «Красная горка» отказывается

проливать братскую кровь. Присоединяйтесь к нам, иначе Кронштадт будет уничтожен. Командир форта Неклюдов . . .»

Ряды матросов заколыхались. То тут, то там слышались гневные восклицания. Они нарастали, сливались в грозный могучий рокот. Лица матросов были страшны. Такими видел Заваров матросов только во время яростных штыковых атак. Над толпой взметались сжатые кулаки, винтовки, широкие лезвия арисаковских штыков.

Долго колыхалось и гудело море матросских голов. Когда шум стал стихать, Заваров снова поднял руку, и наступила шуршащая тишина. «Будто прибор», — подумал Заваров и продолжал свою речь.

— Все ясно, товарищи, — говорил он, — золотопогонники, пригретые на груди революции, подняли мятеж. Наши радисты приняли не только эту радиограмму. Они поймали еще радиограмму Неклюдова в Биорке. В ней этот гад пишет белофиннам и прочей белой сволочи, что «Красная горка» в полном их распоряжении. Понятно, товарищи, чьей «братской крови» не хочет больше проливать этот обмылок: крови врагов революции. Нашей рабочей и крестьянской крови ему не жалко. Против нас, против Кронштадта, красоты и гордости революции, повернул он пушки «Красной горки». Раздавим гадину, товарищи! Слишем в расход золотопогонников! На бой, товарищи, на бой за «Красную горку», за Петроград, за счастье советского народа! . . .

Прозвучала команда. Матросы построились и двинулись из манежа.

Встав у широко раскрытых дверей, Заваров выкрикивал то одного, то другого моряка, и они выбегали из рядов и становились возле комиссара.

— Веди их, — сказал Заваров Громову. — Отменные специалисты!

Громов с отобранной для его бронепоезда группой матросов пристроился в хвост колонны. Заваров побежал к передним рядам.

Отряд вышел на Якорную площадь и зашагал по чугунной мостовой вдоль стенки Адмиралтейства.

Площадь была заполнена матросами и рабочими. Большинство было с винтовками. В центре площади возвышалась фигура широкоплечего матроса с сократовским лбом и густой черной бородой. Матрос что-то горячо говорил, разрубая воздух ладонью.

Заваров узнал его с первого взгляда. «Борода!» — мысленно воскликнул он и улыбнулся. Это был действительно «Борода», как любовно звали балтийцы Федора Степановича Аверичкина, старого балтийского матроса, руководителя большевистского Центробалта в дни керенщины и неутомимого организатора и комиссара фронтовых матросских отрядов.

— На фронт, мужественные сыны суровой Балтики, на разгром мятежников!.. — донесся до слуха Заварова знакомый глуховатый голос Аверичкина.

И как там, в манеже, грозно заколыхались над толпой винтовки и штыки. Слова и крики сливались в раскатистое громыханье, подобное отдаленной канонаде.

Отряд свернул на Советскую улицу, держа путь к Летней пристани. Окна в домах были раскрыты. В окнах мелькали лица женщин и детей. Дети радостно хлопали в ладоши и махали ручонками. Женщины улыбались морякам. Улыбки были приветливы и строги. Печальные женские глаза загорались надеждой.

— На «Горку», за победой? — звонко крикнула какая-то девушка.

— На «Горку», за победой! — уверенно ответил Заваров.

Глава шестая

ДВА ПЛАНА

В окна струился нежный аромат сирени. Григорий Заваров сидел на подоконнике и задумчиво глядел в сад, залитый светом полной луны.

— И ночь же, Громов!..

Он скучал по своей девушке, с которой ему так и не удалось повидаться за сутки, проведенные в Кронштадте. Громов это понял и промолчал.

Открылась дверь, в комнату вошел нарком. Все, кто собрался в этой просторной комнате, обставленной плетеной дачной мебелью, почтительно встали.

Нарком сел у дальнего конца стола, провел тыльной стороной большого пальца по своим густым черным усам и, раскуривая трубку, неторопливо сказал:

— Продолжим, товарищи. Слово — представителю штаба Балтфлота.

Поднялся высокий человек лет сорока.

— Товарищ народный комиссар, товарищи командиры и комиссары! Я вынужден вас разочаровать. Да, потеря «Красной горки» чревата крупными неприятностями. Однако законы войны непреложны, и с точки зрения военно-морской науки не выдерживает никакой критики посылка против форта линейных кораблей. В истории не было случая, когда бы корабли взяли такую первоклассную морскую крепость, как «Красная горка»...

Спокойно и плавно лилась речь оратора. Крупный морской специалист, он был беспредельно уверен в силе своего авторитета. Это чувствовалось по барственно независимой позе и надменному холеному лицу, на котором застыла еле уловимая ироническая улыбка.

Заваров смотрел на наркома. Лицо наркома было невозмутимым и спокойным. Нарком внимательно слушал оратора, посасывая изогнутую трубку.

— Законы военно-морской науки, — продолжал оратор, — учат, что в данном случае возможен только один способ действия — тщательно продуманная длительная осада форта с суши. Легкие силы флота лишают форт возможности получать помощь морем; сухопутные силы отрезают все коммуникации со стороны суши. Результат? Не пройдет и месяца, как защитники форта, схва-

ченные за горло костлявой рукой голода, выкинут белый флаг.

Оратор отер лоб платком и с достоинством опустился на свое место.

— Загнул! — в сердцах воскликнул Громов и осекся.

Он вопросительно посмотрел на наркома. Нарком улыбнулся и кивнул головой.

Громов встал, одернул рубаху, кашлянул и по митинговой привычке рубанул воздух рукой.

— Форт нам нужен до зарезу! Продержись белые на «Горке» недельку, и завивай горе веревочкой. А вот по военно-морской науке получается, что раньше как через месяц не видать нам форта, что своих ушей. Конечно, в морской науке я не горазд, на гроши ломаные обучался и дальше псалтыря не догреб. Потому и спорить с предыдущим оратором не могу. Но на месяц оставить форт мятежникам никак нельзя. Это гибель. Спасибо товарищу морспецу, толково он нам объяснил, какая строптивая эта морская наука. Однако давайте-ка подойдем к делу по-большевистски. Крепок форт. Сколько ни бились белые, не могли раскусить этот орешек. А мы вот раскусим: возьмем форт. Возьмем, потому что наша война не похожа на те войны, в которых складывалась морская наука. Наша война — особенная, мы воюем за правду. Грозен был сегодняшний ультиматум мятежников. А что получилось? Дали по Кронштадту несколько выстрелов — и все мимо. Артиллеристов хороших на форту нет, что ли? Беляки на своей шкуре испытали, какие замечательные артиллеристы на форту. В чем же тут дело? А в том, что обманутые мятежниками красноармейцы стали уже понимать, на чьей стороне правда. С такими бойцами много не навоюешь...

Громов взглянул на морспеца. Тот нервно ломал спички, и лицо его лоснилось от испарины, хотя в комнате было прохладно.

— Тут надо действовать не осадой, — продолжал Громов, — а штурмом. Надо навалиться на форт сразу

со всех сторон — и с моря, и с суши, раньше, чем белые успеют подкинуть туда свои надежные войска. Балтийцы слов на ветер не бросают. Мы поклялись вырвать «Красную горку» из грязных лап мятежников, и мы ее вырвем по-балтийски, решительно и быстро!..

По комнате пронеслись одобрительные возгласы.

— А меня этот говорун чуть не умаслил, — шепнул Заваров, когда Громов опять уселся рядом с ним на подоконнике. — Убедительно сукин сын говорит!

Громов ответил:

— Отгоним белых, за парту сядем, осилим эту самую морскую науку, тогда другой разговор пойдет... Непонятно мне только, зачем он эту чепуху порол. Ученость свою, что ли, показать хотел? Надо будет сказать чекистам, чтобы прощупали, кто он — ололопайковый активист или враг... Сдается, что враг...

Один за другим вставали со своих мест командиры матросских отрядов, сами вчерашние матросы, вставали комиссары, вставали представители армейских частей. Все они единодушно отвергали предложение морспеца приступить к длительной осаде форта и высказывались за стремительный штурм.

Последним взял слово нарком. Говорил он недолго. Еще раз подчеркнув решающую роль «Красной горки» в системе обороны подступов к Петрограду, он развернул четкий и простой план молниеносного удара по мятежникам, комбинированного удара сухопутных сил и кораблей Балтфлота.

Нарком тут же продиктовал приказ. В этом приказе говорилось:

— ... Частям береговой группы немедленно выступить по Красногорскому шоссе и повести наступление по направлению деревни Большая Ижора. Огонь по противнику с фланга открыть с бронепоезда № 52, с бронелетучки и двух бронеавтомобилей, двигающихся вдоль шоссе. Эскадренным миноносцам «Всадник» и «Гайда-

мак» для поддержки наступления приказываю открыть огонь со стороны моря...»

На стене висела большая полевая карта. Флажками были отмечены позиции красных и белых войск. Нарком подошел к карте и стал вызывать к ней по очереди командиров и комиссаров отдельных отрядов и частей. Водя по карте чубуком своей трубки, он терпеливо растолковывал их задачи.

Узкий, как клинок, луч восходящего солнца лег на подоконник.

Нарком отошел от карты.

— Все ясно, товарищи?

— Ясно, товарищ Сталин! — воскликнул Заваров. — Гробанем мятежников!

Нарком улыбнулся, обвел внимательным взглядом утомленные лица окружающих.

— Бейтесь до последней капли крови, товарищи. Победа не далека, победа за нами! Помните, командиры и комиссары должны всегда быть примером для бойцов.

Заваров вышел из дома. В саду пахло сиренью. Убыстряя ход, он зашагал по сонным улицам Ораниенбаума.

Глава седьмая

ОТРЯДУ НУЖЕН ПУЛЕМЕТ

В воздухе ошалело металась птица, вспугнутые неумолчной трескотней пулеметов и винтовок и резким посвистом пуль. Время от времени доносилось тяжелое уханье разрывов.

Отряд Заварова вел наступление вдоль побережья в редком сосновом бору. Тут попадались только небольшие передовые группы белых, и матросы без труда теснили их.

Было знойно. Матросы распарились и заметно сбавили шаг. Тяжело дыша, они то и дело вытирали свои потные лица рукавами бушлатов.

Заваров облегченно вздохнул, услышав команду остановиться. Лес кончился, впереди виднелось обширное холмистое поле.

Командир отряда выслал разведку. Остальные матросы, воспользовавшись передышкой, скинули бушлаты и разлеглись под деревьями. Тени высоких мачтовых сосен переплетались причудливыми полосами, такими узкими, что в них нельзя было спрятать от солнца даже голову.

Лег и Заваров. Он с наслаждением вытянул свои обмякшие члены и почувствовал такую усталость, что даже испугался. Ему показалось, что подняться он уже будет не в силах. Глаза матросов осоловели, испарина выступила на лицах; широко раскрытыми ртами матросы жадно глотали воздух.

— Чортова жарница! — Заваров сбросил бушлат и почувствовал такое облегчение, будто вышел из жарко натопленной бани на холодок предбанника. Он выругал сам себя: «вот олух царя небесного!» — и приказал собрать по отряду все бушлаты и форменки, пусть люди остаются в одних тельняшках. Вещи сдать в обоз, пусть идут сзади, а налегке наступать веселее.

— Да, вот еще что, — остановил Заваров матросов. — Может, кто ноги натер или ботинки жмут у кого, пускай разуваются, если не вмоготу. Грунт тут гладкий, ног не занозят. А вот бескозырок не снимать: матросские бескозырки для беляков, что ладан для чорта...

Вернулась разведка. Крупных войсковых частей впереди не было, но на краю поля разведчиков обстреляли из пулемета.

— Пулемет! — обрадовался командир отряда, высоченный матрос из гвардейского экипажа с громовым басом и окладистой русой бородой.

Отряд не имел ни одного пулемета. Все его вооружение состояло из ручных гранат и винтовок.

— Во что бы то ни стало раздобыть этот пулемет! — решительно сказал командир.

— Навалиться и взять! — сказал его помощник.

— Кусается сука! Накосят столько людей, что и пулемету рад не будешь. — Командир замолчал и нахмурился. Он думал.

Никто из отрядников, включая и командиров, еще не бывал в сухопутных схватках, если не считать баррикадных боев в дни Октября. Но одно дело сражаться на городских улицах и площадях, а другое — в поле. Один Заваров имел уже большой опыт на суше, и весь отряд считал его крупным авторитетом в этом деле. Заваров, знаток сухопутья, вызвался руководить операцией. Он предложил свой план, и план его командирам понравился. Их немного смущало только то обстоятельство, что он не соглашался взять с собой больше пяти человек.

— Больше нельзя, — настаивал Заваров. — Внезапность пострадает. Заметят беляки одного—другого, строчить начнут. Конечно, может никого и не шлепнут, а патронов расстреляют тьму, — у страха, говорят, глаза велики. А нам надо поберечь их патроны: самим же пригодятся...

Заваров выбирал себе спутников с осмотрительностью. Это должны были быть отважные люди, но не горячие, а хладнокровные; они должны были стрелять без промаха и быть отличными пластунами.

Когда все собрались, Заваров приказал:

— Гранаты оставить тут: неровен час, кто-нибудь сгоряча шарахнет, и прощай пулемет! Пойдем с одними винтовками...

Пятерка Заварова двинулась в путь. С ней шел один из разведчиков, указывая путь.

Вскоре вдаль показалась зеленая крыша небольшой одноэтажной дачи.

— Тут! — указал разведчик на крышу.

— Ложись! — Заваров пополз к видневшемуся недалеко громадному дубу.

Матросы растянулись в высокой ржи и, извиваясь всем телом, последовали за комиссаром.

Заваров и разведчик взобрались на дуб. Скрытые его густой листвой, они стали изучать подходы к дому.

Хлеба доходили почти до самого дома, отрезанные от него лишь неширокой дорогой да крошечным палисадником. С трех сторон дом обступил кустарник. Пулемет, по словам разведчика, находился в крайнем левом окне, обращенном в сторону поля. Входная дверь была с противоположной стороны. В боковых стенах окон не было.

Заваров приказал матросам залезть на дерево, и когда они расселись на его могучих ветвях, комиссар растолковал им план операции.

— Трое, — сказал он, — поползут полем прямо к дому и залягут вон там, у самой дороги, каждый против своего окна. Лежите смирно, не дышите, не стреляйте. Стрелять будете тогда, когда они из окон скакать начнут. И тут уж бить без промаха и каждому — по своему окну.

Он назвал фамилии этих троих и каждому из них указал то окно, за которым надлежало ему следить.

— Остальные пойдут со мной, — продолжал Заваров. — Мы зайдем с тыла, постараемся взять их на испуг...

Моряки слезли с дерева, и отряд разделился. Трое нырнули в рожь и тут же скрылись из глаз. Остальные — их с Заваровым было тоже трое — побежали, пригнувшись, в сторону.

Минут через двадцать Заваров и его спутники выскочили из ржи, скользнули через дорогу далеко в стороне от дома и углубились в кустарник.

Заваров пополз на разведку. Дверь дома была открыта настежь. Он разглядел, что она вела прямо на

кухню и кухня была пуста. На небольшом дворике позади дома — никаких строений, кроме колодца да собачьей будки. «Только еще нехватало собаки» — с досадой подумал Заваров. Комок сухой земли, брошенный им, мягко стукнулся о будку и закрутился серым облачком. Заваров швырнул комок побольше. Если бы в будке был пес, он уже выскочил бы, либо заворчал.

Заваров вернулся к матросам.

— В путь! — Они обогнули дом, проскользнули под окошком и замерли у самой двери.

— На бас возьмем, — шепнул Заваров. — Как вскочим в комнаты, ори «благим матом. Ну, рванули!»

Они вбежали в кухню. Заваров распахнул дверь и гаркнул:

— Даешь! Даешь белых на котлеты!

— Даешь! — рявкнули матросы, держа штыки наперевес.

— Ура! Даешь!.. — ворвались устрашающие вопли из-за окон.

«Нехватало выдержки!» — рассердился Заваров, хотя в душе и был доволен инициативе тех троих, что сидели во ржи: они подняли такой дикий гвалт, будто там была сотня человек.

Матросы увидели в комнате совсем не то, что ожидали. Правда, у окна стоял пулемет, но пулеметчик мирно похрапывал, склонив голову на его ствол. Даже гром матросских голосов не разбудил его. Он только недовольно посучил губами да обтер рукавом слюну. На столе валялись деньги, игральные карты, большой жбан и жестяные солдатские кружки. Вокруг сидело десятка полтора изрядно пьяных солдат. Завидев матросов, они повскакали со своих мест. Некоторые тут же свалились под стол, остальные подняли руки, глядя на матросов глазами, полными ужаса.

Заваров подскочил к пулемету и, сбросив пьяного на пол, повернул пулемет на солдат.

— Ну, вы, вояки! — крикнул он, — ползите в тот угол!

Солдаты попятились в угол.

— Столько потерять времени! — проворчал Заваров.

— Да кто же их знал! — один из матросов выругался. — Будь они трезвые, может мы все сусала себе раскровянили бы...

Пленных даже не пришлось обезоруживать: все их оружие — винтовки, гранаты и большой запас пулеметных лент — находилось возле пулемета.

Заваров вышел из дома и пустил ракету — сигнал отряда, что путь свободен.

— Хорош пулемет, новехонек! — крикнул разведчик, выкатывая пулемет на крыльцо.

Глава восьмая

ТАК УМИРАЮТ КОМИССАРЫ

Уже вторые сутки Неклюдов не выходил из группового поста. Даже тут, под толщей железобетона, все содрогалось от частых тяжелых разрывов. Неклюдов метался по тесному помещению, заполненному приборами управления артиллерийской стрельбой. Его обросшее щетиной лицо посерело, глаза были воспалены, нижняя губа обвисла и вздрагивала.

— Кто стреляет?

— Линейные корабли «Петропавловск» и «Андрей Первозванный», крейсер «Олег», миноносцы... — стал перечислять адъютант.

— Я спрашиваю, — иступленно заорал Неклюдов, — кто стреляет у нас?

— Первая батарея, — устало ответил старший артиллерист, шагая циркулем по разложенной на столе морской карте.

— Первая... первая... — желчно передразнил Не-

ключодов и подбежал к артиллеристу. — А остальные? Почему молчат остальные?

— Я уже докладывал, что на остальных нет прислуги, — зло отрезал артиллерист, швыряя циркуль. — Дайте мне солдат и тогда требуйте...

Неклюдов махнул рукой и снова забегал точно крыса в мышеловке.

Вошел Урбан.

— Ну, как?

— Бегут.

— Заставы выставлены?

— Не держат и заставы. Найдут лазейку и бегут в лес.

— А ты припугнул, что красные их не помилуют и всех до одного пошлепают за измену?

— Пока говоришь, будто и соглашаются. Отвернешься — бегут...

Неклюдов замолчал, потом спросил:

— Что, если для острстки расстрелять каждого десятого?

— Боже упаси! — испуганно замахал руками Урбан. — Заикнись только, разорвут!..

Неклюдов заскрипел зубами в бессильной злобе. Все шло не так, как он рассчитывал. Ни Кронштадт, ни морские форты к нему не присоединились. Начался разлад и на самой «Красной горке». Вначале красноармейцы поверили словам Неклюдова о том, что он не будет проливать братской крови. Но в первые же часы мятежа Неклюдов открыл стрельбу по Кронштадту. Это заставило красноармейцев задуматься. Ночью над фортом появились красные самолеты и сбросили целую кучу листовок. Эти листовки разъяснили красноармейцам, на чьей стороне правда, и то один боец, то другой бежал в лес. Когда же из Кронштадта вышли линейные корабли и взяли форт под обстрел — бегство стало повальным. Неклюдов чувствовал, что почва уходит у него из-под ног. Особенно негодовал он по поводу странного поведения

белого командования. Все его радиопризывы о помощи белые оставляли без ответа. Неутешительными были донесения и с передовых позиций. Под дружным натиском матросских отрядов и красноармейских частей, которых с правого фланга поддерживали огнем своей артиллерии эсминцы «Всадник» и «Гайдамак», 1-й и 2-й полки оставили передовую линию обороны и откатились к селению Лебяжье.

Наступал вечер. Красные корабли приостановили обстрел форта. В наступившей тишине раскатывались отдаленные залпы советских эсминцев, продолжавших бить по войскам мятежников.

В групповой пост вбежал офицер, тот самый, от чьей финки погиб комиссар Митрофанов. Лицо его покраснело и сияло.

— Идут, — прерывистым голосом воскликнул он, — парламентареры идут!

— От красных? — изумился Неклюдов.

— Нет, нет, наши!

Неклюдов приосанился, подбежал к столу, заваленному картами, вооружился циркулем и параллельной линейкой и сделал вид, что углублен в работу. Руки его тряслись, лицо было в пятнах.

— Проси, — сказал он офицеру.

Тот распахнул двери, и в комнату вошло пять человек в финской форме. Это были представители белогвардейского Ингерманландского полка, составленного из кулаков Сойкинской волости и белофиннов.

Неклюдов познакомил пришельцев с обстоятельствами мятежа.

— Прекрасно! — сказал старший из парламентареров на ломаном русском языке. — Ваш подвиг не забудется, но... нам нужны реальные доказательства вашей искренности. Заложники! Дайте нам человек десять заложников...

— Офицеров? — спросил недоуменно Неклюдов.

— Комиссаров! — резко ответил белофинн.

Неклюдов осклабился: ,

— Этого товара у нас сколько угодно!..

Неклюдов внимательно просмотрел список арестованных и красным карандашом поставил жирные кресты против десяти фамилий.

Потом всей гурьбой отправились в каземат, в котором томились заключенные. Тут в тесном смрадном подвале было около трехсот человек.

— Михаил Мартынов, председатель Кронштадтского Совета! — гнусаво выкликал Урбан.

Из темного подземелья вышел Мартынов. Он шатался от слабости: уже двое суток мятежники не кормили узников. Взглядом, полным ненависти, окинул Мартынов Неклюдова и Урбана и, крикнул оставшимся в каземате:

— Передайте товарищам, скажите, что мы...

Урбан ударил его по голове рукояткой револьвера. Мартынов зашатался и, падая, воскликнул:

— Да здравствует советская власть!

Офицеры скрутили ему руки веревкой.

— Лука Паньков, комиссар форта «Красная горка», — продолжал бесстрастно Урбан.

— Наша возьмет, товарищи, всех не перебьют, мы победим!.. — возбужденно кричал Паньков, на ходу пожимая руки товарищей.

Едва он вышел из каземата, как его избили и связали.

— Петр Федоров, комиссар форта «Серая лошадь».

Молча вышел из каземата Федоров, молча поровнялся с Урбаном и, не говоря ни слова, харкнул ему в глаза. В следующую секунду кто-то ударил Федорова по голове прикладом, и он потерял сознание.

Опасливо прячась за спины офицеров, Урбан продолжал называть все новые и новые фамилии.

— Сегодня ночью вам на помощь придет Ингерманландский полк, — сказали парламентареры Неклюдову, когда все заложники были в сборе и стояли, избитые и связанные, под охраной белофинских солдат.

Заложников повели, подталкивая прикладами. Навстречу попались бойцы, возвращавшиеся в казарму с ужина.

— Вас обманывают, товарищи! — закричал им Паньков. — Перебегайте к красным...

Удар по голове опрокинул его наземь.

— Не верьте Неклюдову! — раздался голос Мартынова.

Белофинн стремительно ударил его кулаком в подбородок. Мартынов упал.

— Да здравствует Ленин!... Да здравствует власть Советов! Да здравствует Красная Армия!.. — кричали остальные заложники.

Бойцы были потрясены этой величественной демонстрацией беспомощных связанных людей. Подбежал Урбан.

— Идите, братцы, идите, — подталкивал он бойцов.

Они смотрели на него глазами, полными гнева и ненависти, и неохотно повиновались.

Белофинны пинками погнали заложников прочь с форта.

Их привели на опушку леса и выстроили в ряд. Крайним справа стоял Мартынов. Веревка больно врезалась в его заложенные за спину руки. К нему подошел белофинн с грязной тряпкой и хотел завязать ему глаза. Мартынов оттолкнул его ногой.

— Прочь! Коммунисты не боятся смерти!

— Запросишь пощады, каналья! — заорал офицер и, выхватив у ближайшего солдата винтовку, всадил в плечо Мартынову штык.

Мартынов зашатался, но удержался на ногах.

— Народ отомстит за меня, за всех нас, — сказал он, слабея.

Офицер рассвирепел. Штыковым ударом в грудь он опрокинул Мартынова.

Мартынов поднял голову и хрипло выкрикнул:

— Да здравствует власть Советов!

Офицер, вне себя от злобы, неистово колот штыком.

Одежда Мартынова побагровела от крови, а лицо превратилось в бесформенную кровавую массу. Тогда офицер посмотрел на остальных заложников и вздрогнул. Он ожидал, что расправа с Мартыновым заставит их броситься на колени, умолять о пощаде. Вместо этого он увидел суровые лица и гневные беспощадные глаза. Казалось, что не они, а он их пленник.

Комиссары презрительно усмехнулись, увидев, как офицер отпрянул в сторону, пораженный их бесстрашием.

— Стреляйте, да стреляйте же! — завопил офицер на своих солдат, забыв уставное «пли».

Раздался недружный залп.

Некоторые комиссары упали. Остальные продолжали стоять. Кто-то запел, и в синих сумерках зазвучали победные слова «Интернационала». Гимн подхватили все: и те, кто еще стоял, и те, кого сразила, но не добила вражья пуля.

Офицер бросился к солдатам:

— Огонь! Я вам приказываю!

Долго палили солдаты в связанных комиссаров, а умирающие продолжали петь пролетарский гимн.

Умиряли комиссары, поверженные, но не побежденные, умирали большевики, героической смертью своей утверждая бессмертие того дела, во славу которого сложили они свои головы...

Глава девятая

В ЛОВУШКЕ

Бронепоезд № 52 непрерывно стрелял по невидимому врагу. Временами он останавливался, перезванивая буферами, пытаясь назад и резким рывком бросался вперед, но вскоре вновь останавливался.

Громов вылез из командирской рубки на раскаленную

солнцем бронированную крышу вагона. Его обдало густым рыжим дымом.

— Что там у вас? — крикнул он на паровоз.

Над тендером выросла широкоплечая фигура матроса в измазанной тельняшке. Это был старший машинист бронепоезда.

— Дрянь дело! — приставив руки рупором ко рту, ответил машинист. — Не дрова, а слезы: сырые, что балтийская осень... — Он выругался по-флотски протяжно, с упоением, с переборами.

— Молитвами делу не поможешь, — сказал Громов, добравшись по крышам вагонов до паровоза. — Конечно, с углем было бы легче, да где его взять?

Кочегар пробурчал:

— Вот и тычемся на месте, что слепые котята.

— А ты шуруй, не жалея спины! — Громов взглянул в топку, где поверх почерневших поленьев лениво колыхалось слабое желтое пламя.

— Да, на таком жару далеко не уедешь! — Он выглянул наружу, чтобы отдышаться от едкого дыма, который заволок весь паровоз.

Железная дорога проходила по приморской низине. Левее поднимались холмы, поросшие соснами. Меж красноватых стройных сосен поодаль белела церковная колокольня.

Громов невольно залюбовался пейзажем, напомнившим ему далекие детские годы. Он вспомнил, как они, босоногие школяры, во весь дух мчались темными осенними вечерами через кладбище, примыкавшее к церковной сторожке. Здесь обучал их грамоте тяжелый на руку отец Вениамин, старый попик приходской церкви.

— Эх, дуй те горой! — воскликнул Громов. Как кстати пришло к нему это воспоминание! Он окликнул машиниста и кочегара.

— Церковь видите? Ну-ка, подгребите к ней поближе. А дальше пойдет, как по маслу!

Матросы не стали спрашивать. Они не раз слыша-

ли от ребят, побывавших в отрядах, в которых комиссар Громов, что он гораздо на выдумку, однако расспросов не любит. Они поколдовали над топкой, плеснули в нее флягу керосина, и поезд медленно двинулся к мажившей вдали колокольне.

Возле церкви Громов приказал остановиться. Весь косогор от железнодорожного пути до церкви был утыкан деревянными крестами, а вокруг кладбища тянулся высокий, местами обвалившийся забор.

Громов весело присвистнул и распорядился вызвать к себе всю команду бронепоезда.

— Забирай, ребята, какой ни на есть инструмент и за мной, — сказал он, когда все были в сборе.

Матросы работали напористо. Одни ломали забор, другие таскали легкие сухие доски к паровозу, третьи раскалывали их, четвертые грузили на тендер. Тем временем кочегар нагнал новыми дровами столько жара, что паровоз дрожал и пускал во все стороны белые шипящие облака горячего пара.

Громов дал сигнал — «передний ход».

— Теперь рванем! — сказал машинист.

Путь шел в гору, и вскоре Громов увидел широкую панораму сражения. Справа на гладкой и блестящей, как ртуть, поверхности моря виднелись два эсминца; их серые борта озарялись вспышками выстрелов. Слева были видны цепи наступавших моряков и красноармейцев. Прямо по курсу поднимался редкий лес; время от времени в нем возникали бледные сполохи, а сосны тяжело раскачивались, хотя и не было ветра.

— Вражеская батарея, — сказал Громов.

Он приказал открыть огонь. Рявкнули пушки бронепоезда. Высоко взлетали над лесом обломки сосен. Вражеская батарея попыталась огрызнуться, но смолкла, и бронепоезд пошел дальше.

Цепи красных войск остались позади. Впереди растилась ровное поле. За ним в перелеске был враг. Бронепоезд сбавил ход и стал бить шрапнелью.

Вдруг слева, почти у самых рельсов, раздался тяжелый взрыв. По броне забарабанили комья земли. Новый взрыв. На этот раз справа. Стреляли из тяжелых орудий.

— С «Красной горки» лупят, — сказал Громов матросам. — Кто-то тут рядом корректирует стрельбу.

Третий снаряд разворотил путь в сотне метров от паровоза. Машинист резко затормозил и дал задний ход. Но было уже поздно. С грохотом и лязгом вздыбились и, корбясь точно картонные, подпрыгнули и разметались в стороны рельсы позади поезда.

Бронепоезд попал в ловушку и замер, со свистом стравливая пар.

— Станция Вылезайка, приехали! — угрюмо проговорил кто-то из матросов.

Один за другим прогремели два новых разрыва. Они вырыли громадные воронки сбоку от поезда.

Громов, казалось, не замечал разрывов. Приставив к глазам бинокль, он тщательно осматривал горизонт.

— Ага! — воскликнул он обрадованно. — Вот ты где, голубчик!

В стороне от железной дороги в гуще тенистого сада поблескивала стеклами башня какой-то дачи. Более удобного места для корректировщика не было вблизи. С этой башни, скрытой деревьями, бронепоезд был виден великолепно.

— Снять! — приказал Громов комендорам, указывая на башню.

Со второго залпа была разбита башня в щепы.

Обстрел прекратился. Матросы высыпали из вагонов, подбежали к открытой платформе и стали сбрасывать с нее запасные рельсы и шпалы.

Снова стали рваться снаряды. На этот раз они ложились беспорядочно и далеко в стороне.

Матросы поволокли рельсы и шпалы в хвост поезда, где путь не был так разворочен, как впереди.

— Куда? — закричал на них Громов. — Гайка от-

дается? Отступить надумали?.. Чинить путь перед паровозом!

В самый разгар работы в воздухе стала рваться шрапнель. Вначале она стучала по задним вагонам. Потом с каждым новым залпом дробь ее все более приближалась к тому месту, где работали матросы.

— Прекратить работу! В вагоны! — закричал Громов.

Кто-то, продолжая свинчивать рельсы, только махнул рукой.

— Пустое!

— Я тебе покажу, герой, кузькину мать! — бросился к нему Громов и толкнул так, что тот покатился с насыпи. — В вагоны, а не то шпангоуты обломаю!

Матросы не узнавали Громова. Всегда спокойный и уравновешенный, на этот раз он неистовствовал. Кажется, он перетрусил, как малое дитя.

Матросы забились в вагон, ближайший к паровозу. Последним туда забрался Громов.

— Извиняюсь, что накричал, — сказал он с теплой улыбкой, — иначе было нельзя. Что вы хотели показать? Геройство? Преданность революции? Это не геройство. а бахвальство, и не преданность, а измена...

Раздался приглушенный ропот.

— Да, да, измена! — повысил голос Громов. — Что такое геройство?.. Сражаться одному против десятых, — это геройство. Итти бесстрашно в атаку — это геройство. Проработать, коли надо, сутки без отдыха на ремонте корабля, — это геройство...

— А мы... — перебил его голос из темноты.

— А вы для чего жертвовали своими жизнями? — продолжал Громов под аккомпанемент стучавшей по вагону шрапнели. — Какая в этом надобность?

— Так надо ж дальше грести! — раздался все тот же голос.

— Вот как раз потому, что надо дальше грести, и нужно было попрыгаться от шрапнели. Что у нас комендоров много? Машинистов много? В обрез у нас комен-

доров и машинистов. Ранило бы или убило кого из вас, туго бы пришлось бронепоезду. И как еще туго! Понимать надо, братва, где можно рисковать своей жизнью, а где и побережь ее следует...

— Нащупал! — радостно крикнул сверху сигнальщик. — Курсовой 35 левого борта...

— К орудиям! — Громов поднялся в командирскую рубку. В бинокль он ясно увидел, что в том направлении, какое указал сигнальщик, над кустарником клубилось легкое коричневатое облачко.

Ударили пушки бронепоезда. Там, где только что висело облачко, поднялись черные столбы земли. Вражеская батарея, бившая по бронепоезду шрапнелью, была уничтожена.

— Что, белые, хлебаете?! — выкрикнул сигнальщик, любуясь в бинокль чистой работой комендоров.

Матросы быстро исправили путь. Бронепоезд двинулся дальше, сотрясая воздух тяжелыми ударами своих пушек.

Глава десятая

ТОЛЬКО ВПЕРЕД!

В каземате было душно и смрадно. Узники тревожно прислушивались к близким разрывам. Разрывы были такой силы, что сотрясались массивные бетонные стены каземата.

У маленького оконца сидел человек в разодранной серой гимнастерке. Он сосредоточенно считал кресты, торопливо начерченные углем на косяке окна.

— Семьдесят четыре! — воскликнул он, закончив счет. — Семьдесят четыре товарища уже расстреляны.

— Дай срок, всех угробят, — слышался отклик из глубины каземата.

Человек в разодранной гимнастерке вскочил.

Это был Борис Дмитриев, политрук передовой батареи форта, арестованный Урбаном одним из первых.

— Да, угробят, — сказал он, — если жить надоело! Загудели возбужденные голоса.

— Ну, как? Надоело жить? — переспросил Дмитриев, вглядываясь в истощенные лица окружающих.

— Да говори, что придумал, — раздался нетерпеливый голос из задних рядов.

— Придумывать будем сообща, — ответил Дмитриев, — сейчас же, потому что время пришло...

Он пояснил. Вначале мятежники брали заключенных на расстрел по списку. Потом их стали выводить просто по счету. Это значило, что мятежникам было не до арестованных. К тому же и караульные с каждым часом становились все беспокойнее. Один из них шепнул Дмитриеву, что красные подошли к самому форту и не сегодня-завтра его возьмут.

— Ясно, что мятежников выпрут с форта, — продолжал Дмитриев, — ясно также и то, что перед бегством они уничтожат всех нас.

Был принят план, предложенный Дмитриевым: под грохот канонады выломать рельсы, загораживающие окно, и бежать.

Долго возились узники над окном. Голыми руками крошили они крепчайший цемент и часами раскачивали неподатливые рельсы.

Потом бросили жребий, и каждый занял свое место в длинной очереди, выстроившейся по стенам.

Дмитриеву достался первый номер.

— Не зевайте, товарищи, — шепнул он, поднявшись на подоконник, — я сейчас устрою мятежникам небольшой шум, а вы прыгайте и, не мешкая, бегите с форта...

Он выскользнул из окна в высокую крапиву, быстро обогнул угол каземата и вбежал в караульное помещение.

— Спасайтесь! Форт взрывается! — кричал он.

Караульные в ужасе бросились прочь из каземата.

Они слышали, что Неклюдов грозился взорвать форт, если не сможет его удержать, и приняли Дмитриева за минера, которому поручено это дело.

Дмитриев побежал к окопам, расположенным позади каземата. И там его страшное предупреждение вызвало панику. Люди бросали оружие, разбегались в разные стороны.

Тем временем заключенные выпрыгивали из окна каземата, пробегая через окопы, хватали винтовки и во весь дух неслись туда, где, по их расчетам, находились красные части.

Обдирая в кровь спины, пролезали они под бесконечными рядами проволочных заграждений.

Более сорока человек успело выбраться из каземата, прежде чем неклюдовцам удалось восстановить на форту порядок. Затакали пулеметы, но уже было поздно. Укрываясь за каждым пнем, в каждой снарядной воронке, беглецы уходили все дальше и дальше.

Пробираясь лесом, они благополучно миновали передовые линии белых и вскоре наткнулись на отряд Заварова.

Беглецы и слышать не хотели о том, чтобы отправиться в тыл. Они обессилели от двухсуточного голодного заточения, но матросы славно накормили их... Недавние смертники чувствовали себя достаточно хорошо, чтобы сражаться против мятежников. Они не могли успокоиться до тех пор, пока не отомстят неклюдовской своре за смерть своих замученных товарищей!..

Отряд, пополненный беглецами, продолжал наступление.

Белые отбивались яростно, особенно Ингерманландский полк. Ингерманландцы хорошо укрепились. У них было много пулеметов, перед окопами тянулось несколько рядов проволочных заграждений.

Убедившись, что лобовой атакой этой позиции не взять, матросы залегли.

Но тут пошли в контратаку ингерманландцы. Они не-

заметно обошли матросский отряд и ударили по нему с фланга.

У матросов осталось мало патронов, и командир распорядился без приказа не стрелять.

Не стреляли и белые. Короткими бросками стремительно приближались они к матросам, залегшим за пнями и деревьями. Когда же расстояние уменьшилось до ста метров, белые поднялись и с ружьями наперевес бросились в атаку.

— Широко шагаете, штаны порвете! — крикнул Заваров и меткой пулей сразил офицера.

Матросы ринулись на врага. Началась жестокая рукопашная схватка.

— Нажми, братва!.. Наддай жару! — кричал Заваров, появляясь в самых опасных местах.

Вдруг он почувствовал резкий толчок в левое плечо, и перед его глазами мелькнул широкий, зубчатый, как пила, немецкий штык. Комиссар упал. Кто-то ударил его прикладом по голове, и он потерял сознание.

Заваров не видел, как маленький коренастый моряк размозжил голову белофинну, сразившему комиссара. Заваров не чувствовал, как этот матрос взвалил его себе на плечи и вынес из боя. Он так и не узнал, кто был его спасителем, потому что матрос, дотащив комиссара до санитарной летучки, сразу же побежал обратно в бой.

Первое, что Заваров увидел, придя в себя, было обеспокоенное девичье лицо, склонившееся над ним, удивительно знакомое лицо с встревоженными глазами. Долго всматривался он в эти глаза, хмурия лоб и собираясь с мыслями. Вдруг он увидел улыбку, знакомую, немного грустную улыбку, и еще он увидел две крохотных ямки на девичьих щеках.

— Люба?!

— Лежи, лежи, Гриша, — ласково сказала девушка, — сейчас принесут носилки...

— Я ранен? — встревожился Заваров.

— Рана пуляковая, в плечо. Крови только много потерял.

— Но ты-то как попала сюда?

— Как и все, — просто ответила девушка. — В швально-парусной комсомолки организовали санитарный отряд. Вот и попала сюда...

Справа послышались голоса. Заваров поднял голову. Из-за кустов показалось человек пятьдесят матросов. Они о чем-то спорили и переругивались. Заваров узнал их: они были из его отряда.

— Куда? — крикнул он и порывисто сел, но тут же рухнул, почувствовав острую боль в раненом плече.

Матросы подбежали к нему.

— Куда? — повторил Заваров и снова сел, застонав от боли.

— Отступаем, комиссар, — виновато сказал один из матросов.

— Отступаете? — Бледное лицо Заварова налилось кровью. — Нет такого слова во флотском языке. Матросы не отступают.

Он вскочил на ноги. От нестерпимой боли у него помутнело в глазах. Шатаясь от слабости, он оперся на плечо девушки.

— Я думал вы — матросы, — сказал Заваров язвительно. — А вы, вы...

— Патроны вышли, комиссар, — оправдывались матросы, — опять же жмут суки здорово...

— Достать надо патроны; атакой надо вырвать патроны у врага! Жмут? На то и враг, чтобы жать!

Заваров чувствовал, что с каждым словом к нему возвращались силы. Он хорошо помнил напутственные слова Сталина на заброшенной ораниенбаумской даче, превращенной в боевой штаб, его огненные слова о месте комиссара в бою.

Он протянул руку в сторону фронта.

— Там наше место, — сказал он возбужденно. — Мы поклялись в Кронштадте, что разгромим мятежников, что

будем идти только вперед. Красные моряки еще никогда не нарушали своих клятв. Вперед, товарищи, только вперед!

Торопливо простясь с девушкой, он зашагал туда, на крики и выстрелы. Два матроса подбежали к нему и, взяв его под руки, бережно повели впереди отряда.

Долго смотрела девушка ему вслед. Широкая загорелая спина Заварова накрест была опутана белыми полосами бинтов. Приложив руки к груди, смотрела она ему вслед, не в силах совладать с противоречивыми чувствами: болезненным страхом за жизнь дорогого человека и гордым восхищением его самоотверженным подвигом.

— Только вперед, только вперед!

Глава одиннадцатая

КРУШЕНИЕ

Адьютант дрожащими руками переставлял флажки на карте, висевшей на стене. Флажки опоясали форт широкой дугой. Один ее конец упирался в Финский залив восточнее форта, а другой нависал над фортом с запада. Свободным от флажков оставался только небольшой просвет между резкой темнозеленой гранью залива и коричневым зигзагом дороги на Коваши.

Неклюдов мрачно уставился на карту.

— Комедия кончена...

Он подошел к столу, залпом выпил стакан коньяку и тяжело опустился на стул.

Адьютант искоса посмотрел на Неклюдова и ужаснулся. За три дня от лощеной самоуверенности у Неклюдова не осталось и следа. Его воспаленные от бессонных ночей глаза были мутными и безжизненными, как у трупа.

В комнату вбежал Урбан. Он опустился на ближайший стул и тяжело задышал.

— Убежали... Из каземата убежали человек пятьдесят...

Неклюдов вскочил.

— Как убежали?

Волнуясь и путаясь, Урбан рассказал о побеге коммунистов, организованном Дмитриевым, о панике, которую тот поднял на форту.

Неклюдов швырнул в Урбана стакан, но промазал.

Урбан вскочил со стула с перекошенным от страха лицом и спрятался за раскрытую створку шкапа.

— Ты... ты... — брызжа слюной, завопил Неклюдов, подскочил к Урбану и схватил его за шиворот. — Ты устроил им побег, провокатор! На два фронта работаешь!

Он неистово тряс тщедушного Урбана, и тот мотался из стороны в сторону, всхлипывая и моля о пощаде.

Неклюдов озверел. Теперь, когда до падения форта остались считанные часы, Урбан был бесполезен, как расстрелянная гильза. Больше того, Урбан, этот законченный иезуит, ради спасения своей шкуры мог предать его, Неклюдова, своего учителя и благодетеля. Неклюдов бил своего прихвостня с упоением, бил по чему попало, рыча и выкрикивая сквозь зубы:

— Вот тебе... вот тебе, Иуда!..

Урбану удалось вырваться. Он не побежал, нет, он бросился на колени и обхватил трясущимися руками ноги Неклюдова. Он ползал и извивался, слов его было не разобрать; они сливались в нечленораздельное гнусавое завыванье.

Ударом ноги Неклюдов отбросил его от себя и схватил со стола пистолет.

Урбан пополз к Неклюдову, умоляюще растопырив руки.

Неклюдов вскинул руку с пистолетом и в упор выпустил в Урбана всю обойму. Тот упал, подергиваясь всем телом.

Неклюдов приказал адъютанту:

— Убрать эту падаль!

Когда труп Урбана был вынесен, по приказанию Неклюдова к нему собрался весь начсостав форта.

— Господа, — сказал Неклюдов дрогнувшим голосом, — сейчас не время анализировать причины крушения наших лучших надежд. Фортуна нам изменила... Короче говоря, господа, пора собираться в путь, пока красные не отрезали дорогу на Коваши. Наш отъезд надо совершить в глубокой тайне. О нем не должны ничего знать не только на передовой линии, но и на форту: чем дальше они сдержат красных, тем благополучнее будет наше путешествие... Прошу, господа, по посошку на дорогу!

Он наполнил стаканы коньяком, присланным из Финляндии Маннергеймом.

Предатели пили жадно.

— Последнее распоряжение, господа, — сказал Неклюдов, вновь наливая коньяк в стаканы. — Командиру пулеметной команды немедленно выступить по шоссе на Коваши. Заберите с собой всех коммунистов из каземата и где-нибудь подальше от форта расстреляйте их из пулеметов. Нас ожидайте в Ковашах.

Командир пулеметной команды торопливо выпил стакан вина и вышел.

— Прежде чем покинуть форт, — продолжал Неклюдов, — мы должны привести его в негодность. Это наш священный долг! Достаточно взорвать любой склад боеприпасов, как взлетит на воздух весь форт. Я не называю фамилий, господа, уверенный в том, что каждый из вас готов положить свой живот на алтарь отечества. Предлагаю, господа, тянуть жребий: пусть сама судьба укажет того счастливого, чье бессмертное имя войдет в историю...

Негодяи переглянулись, хитро подмигивая друг другу. Хмель кружил им головы, и напыщенные слова своего неудачливого вожака они восприняли юмористически.

— Легенды и песни сложат благодарные потомки о нем, о самоотверженном герое, похоронившем себя под обломками форта! — выпrenно воскликнул Неклюдов, заключив речь широким театральным жестом.

— Кому, как не командиру форта стать этим героем! — в тон ему продекламировал сухопарый блондин, завсегда́тай любительской сцены. — Мы были бы последними негодяями, если бы стали оспаривать эту честь у своего мужественного вождя.

Раздались сдержанные аплодисменты и возгласы «браво».

Неклюдов расстерялся.

— Конечно, господа, если вы против... — Сразу же он перешел на развязный тон гостеприимного хозяина: — Прошу еще по посошку!..

Через несколько минут все они вышли из группового поста и стали незаметно пробираться на Ковашевскую дорогу.

На форт оглушительно взрывались снаряды советских линкоров. Орудия форта отвечали лениво.

Глава двенадцатая

НАД ФОРТОМ РЕЕТ АЛЫЙ СТЯГ

Это походило на парад, на величественный парад неустрашимости и мужества. Твердой флотской поступью, слегка враскачку шли бесконечные цепи матросов. Полуголые, в черных бескозырках с развевающимися ленточками, проходили они вдоль песчаного высокого обрыва.

Наверху над обрывом стоял человек, освещенный золотыми лучами заходящего солнца. Ветер трепал его черные зачесанные назад волосы и густые усы, свисавшие над плотно сжатым ртом. Вокруг рвались снаряды, но человек, казалось, не замечал их. Он смотрел на теку-

щую внизу матросскую лавину и призывно махал рукой.

Матросы смотрели на этого человека, ловили пристальный добрый взгляд его чуть прищуренных глаз и убыстряли шаг, заражаясь его бесстрашием.

Многие из матросов хорошо знали этого человека в выцветшем френче и смазных красноармейских сапогах, с неизменной изогнутой трубкой в левой руке. Они помнили его по октябрьским боям в Петрограде, по сражениям под Царицыном, они знали, что всюду он нес победу, и радостно приветствовали его.

— Сталин!.. С нами Сталин!.. Да здравствует Сталин!.. — гремели матросы и крепче сжимали в руках винтовки с устремленными вперед штыками.

Белые уже были выбиты из Больших и Малых Борок. Под стремительным натиском красных частей белогвардейцы бросали оружие и бежали, очертя голову, в лес. Еще не потерял боеспособности только один Ингерманландский полк, в порядке отошел он на последнюю линию обороны форта.

Ингерманландцы поставили перед своими окопами убийственную завесу пулеметного и артиллерийского огня.

Вокруг певуче свистели пули. В воздухе оглушительно рвалась шрапнель. Но тут, на поле боя, был Сталин, и матросы мужественно шли сквозь эту смертоносную мятель. Падали одни, их место тотчас занимали другие, и казалось, что это идут легендарные богатыри, бессмертные, как то дело, во имя которого бесстрашно ринулись они навстречу вражеским пулям.

— С нами Сталин! — кричал Заваров, размахивая револьвером. Бинт на его спине и груди набух кровью и походил на разодранное в боях знамя.

— Ура! Нет пощады изменникам! — кричали матросы, врываясь во вражеские окопы.

Белые солдаты и белофинны не выдержали матросского натиска и, минуя форт, бежали по Ковашевской дороге. Им вдогонку с громовского бронепоезда с забыванием неслась шрапнель.

Путь к форту был открыт. Но почему молчал форт? Какую ловушку приготовили белые на форту?

Медленно продвигались к форту красные войска. Лишь поздно вечером вошел на форт, громокая на стрелках, бронепоезд Громова, а следом за ним двинулись воинские части.

Казалось, что форт вымер. Узнав, что Неклюдов и его свора бежали, еще днем с форта ушел весь его гарнизон.

Громов тут же осмотрел пушки форта. Пушки были в исправности. К ним он послал комендоров своего бронепоезда, и они открыли огонь по убежавшему врагу.

Тем временем Заваров снял с бронепоезда знамя и поднял его на флагштоке, возвышавшемся на плацу.

Вокруг форта горел лес, подожженный снарядами линкоров. Яркий отсвет пожара озарил побуревшее простреленное знамя.

К знамени стекались все новые и новые воинские части, стекались овеянные пороховым дымом победители.

Кто-то притащил стол. На него поднялся Громов.

— Вот и все, дорогие товарищи, — сказал он взволнованно. — «Красная горка» снова стала советской и — слышите! — снова громит врагов нашей родины. Три дня назад мы, командиры и комиссары, поклялись товарищу Сталину от своего и вашего имени, что разгромим мятежников. Мы сдержали свое слово, товарищи. Под водительством Сталина вырвали мы «Красную горку» из лап врага. Под его победоносным водительством окончательно сокрушим мы белогвардейскую нечисть!..

Заколыхались и расступились ряды бойцов. Подобно ветру пронесся гул восторженных голосов и разом вылился в ликующий шторм оваций.

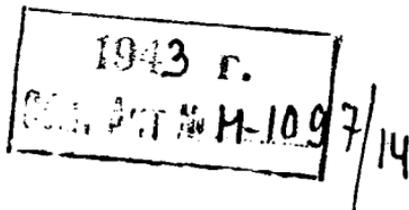
По широкому проходу между двух стен матросов и красноармейцев шел Сталин.

Ветер развевал стяг на флагштоке. Ветер колыхал пламя пожара, и его алые отсветы трепетали, как приветственно склоненные знамена.

О Г Л А В Л Е Н И Е

	<i>Стр.</i>
Глава первая. Тревога	3
Глава вторая. На пороге блестящей карьеры	9
Глава третья. Михаил Мартынов	12
Глава четвертая. Измена	15
Глава пятая. Подымается матросский Кронштадт	22
Глава шестая. Два плана	25
Глава седьмая. Огряду нужен пулемет	29
Глава восьмая. Так умирают комиссары	34
Глава девятая. В ловушке	39
Глава десятая. Только вперед!	44
Глава одиннадцатая. Крушение	49
Глава двенадцатая. Над фортом реет алый стяг	52

ЛМ 4217

Редактор интендант 3 ранга *В. Воеводин*

Подписано к печати 16/IX 1941 г.,

ГМ 14807.

Печ. л. 1,75.

Уч.-изд. л. 3,5.

Тип. зн. в 1 печ. л. 37 500.

Заказ 736

2-я типография Военмориздата НКВМФ.